

В Диссертационный совет ФГБОУ ВО
«Российская академия народного хозяйства и
государственной службы при Президенте
Российской Федерации»
119571, г. Москва, проспект Вернадского, д.82

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
на диссертацию Айрапетяна Давида Армиковича
«Трансформация политических процессов в посткапитализме: структурные и
институциональные изменения»,
представленную на соискание ученой степени кандидата политических наук
по специальности 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии

Актуальность диссертационного исследования Д.А. Айрапетяна определяется прежде всего тем, что оно обращается к проблеме, которая в отечественной политической науке до сих пор фиксируется скорее как ощущение, чем как исследовательская задача: реальный контур властных отношений заметно расходится с их формально-институциональным описанием. Соискатель не ограничивается констатацией этого расхождения, он ставит вопрос о его источнике, о смене самого ресурса, на котором держится властное отношение в эпоху масштабной цифровизации, и о том, какие акторы приобретают преимущество при такой смене. Постановка вопроса в подобной формулировке своевременна, поскольку без нее анализ цифровой трансформации управления неизбежно сводится к описанию технических средств, тогда как предметом политологии является распределение власти, а не инвентаризация инструментов.

Второе основание актуальности мы видим в том, что работа обращена к незавершенному процессу. Исследовать сложившийся порядок методологически проще, потому что он поддается описанию как данность. Соискатель же имеет дело с порядком, складывающимся в условиях, в

которых институциональный исход не определен, а структурные тенденции уже наблюдаемы. Такая ситуация требует особой аккуратности в разграничении установленного и предполагаемого, и научная ценность работы состоит в том числе в том, что автор эту границу, в целом, удерживает, предлагая аналитическую рамку, а не прогноз, выдаваемый за вывод.

Третье. Работа актуальна тем, что предлагает язык для описания феномена, который обсуждается преимущественно на уровне констатации: смещения реального центра принятия значимых решений в область технического проектирования. Правила видимости, правила модерации, правила ранжирования, правила идентификации по формальному статусу представляют собой технические регламенты, а по функции – нормы, регулирующие политическое участие. Диссертант показывает, что нормотворчество такого рода осуществляется вне процедур публичной легитимации, и это наблюдение имеет прямые последствия для практики регулирования.

С этим связано и четвертое обстоятельство, существенное для нас профессионально. Классическая схема анализа информационного воздействия предполагала различимость источника, содержания и канала передачи. Описываемый соискателем дата-центричный порядок это различие размывает; инфраструктура перестает быть нейтральным средством передачи и становится средой, задающей условия восприятия. Одним из следствий оказывается утрата общего информационного пространства как условия содержательной публичной дискуссии – фрагментация здесь есть не сбой, а результат штатной работы алгоритмической инфраструктуры. Соискатель приходит к этому выводу самостоятельно, через анализ когнитивно-информационных антагонизмов, и полученный результат представляет ценность не только для политологии.

Наконец, отметим прикладной аспект, лежащий в сфере подготовки кадров. Требования к компетентности управленца изменились быстрее, чем содержание образовательных программ: специалист, принимающий решения

в среде, где значительная часть аналитической работы выполняется автоматизированными системами, должен понимать не только как пользоваться их выводами, но и какие допущения в эти выводы заложены и где границы их применимости. Диссертант обращается к этому сюжету при анализе новых детерминант элитообразования и механизмов рекрутирования управленческих кадров, и полученные им результаты имеют непосредственную ценность для проектирования содержания политологических и управленческих дисциплин – тем более что дефицит именно такой подготовки ощутим и в академической среде, и в практике публичного управления.

В первой главе соискатель исследует теоретико-методологические основания анализа трансформации политических процессов в условиях посткапиталистических тенденций. Диссертант начинает с характеристики политических процессов позднего капитализма, фиксируя круг вызовов, порождающих запрос на трансформационные альтернативы. Далее проводится систематизация концептуальных моделей посткапиталистического перехода, результаты которой сведены в разграничительную таблицу – прием, который не дотягивает до научной новизны, но который мы оцениваем как методологически полезный, поскольку он выводит разнородные концепции из состояния взаимного смешения и делает их сопоставимыми по единым основаниям.

Принципиально важным для всей последующей конструкции является введенное в первой главе определение посткапитализма. Соискатель отказывается от трактовки его как наступившей формации и вводит как аналитическую категорию, фиксирующую совокупность структурно устойчивых тенденций, несводимых к логике классического и позднего капитализма, при сохранении неопределенности институционального исхода.

Завершается глава построением авторского методологического аппарата, в основу которого положена аналитическая связка «ресурсы –

акторы – механизмы – институты», дополненная параметром различия темпов изменения структурного и институционального уровней.

Во второй главе речь идет о структурных и институциональных сдвигах в конфигурации властных отношений. Соискатель последовательно обосновывает переход ключевого ресурса власти от физического и финансового капитала к данным и цифровой инфраструктуре, из чего выводит появление актора нового типа – государственно-корпоративного техно-субъекта. Конструкция строится через анализ взаимодополнительности ресурсов: государство располагает легитимным принуждением, но не располагает инфраструктурой извлечения и обработки данных, технологические корпорации располагают инфраструктурой, но не располагают легитимностью принуждения, – откуда следует, что их сращивание есть не результат совпадения интересов, а следствие структурной необходимости. Логика вывода корректна, и полученный концепт вполне обладает объяснительной силой.

Наиболее объемная часть исследования отведена анализу политических антагонизмов посткапиталистического перехода. Соискатель показывает, что традиционная вертикальная оппозиция «труд – капитал» утрачивает роль основной оси политического конфликта, но не исчезает, а встраивается в многомерную топологию противоречий, где линии размежевания перестают совпадать с классовыми границами. В этой топологии автор различает четыре плоскости: борьбу за контроль над знанием, информацией и вниманием; противоречия, связанные с архитектурой платформенной инфраструктуры и правом ее проектирования; конфликты вокруг телесности, биометрических данных и режимов политической субъективации; наконец, противоречия между трансграничным характером технологической власти и национальным характером политической ответственности.

Ценность этой части мы усматриваем в том, что каждая из выделенных плоскостей соотнесена с определенным механизмом функционирования описанного автором нового субъекта власти, благодаря чему типология

обретает внутреннюю связность и перестает быть перечислением наблюдаемых напряжений. Отметим также, что автор рассматривает эти антагонизмы не как внешние препятствия трансформации, а как имманентную форму существования складывающейся конфигурации власти – такая трактовка методологически последовательна и согласуется с общей логикой работы.

Третья, заключительная глава, посвящена российскому случаю институциональной адаптации к посткапиталистическому переходу. Диссертант анализирует формирование модели цифрового «государства-платформы», рассматривая ее становление на материале документов стратегического планирования, законодательства о регулировании платформенной экономики, национального проекта в области экономики данных, статистики профильных ведомств и индексных исследований интеллектуальной зрелости органов власти.

Здесь же исследуются изменения в механизмах легитимации – соискатель допускает смещение от преимущественно процедурных к результативным основаниям, оговаривая при этом, что электоральные процедуры не девальвируются, но утрачивают монопольный характер как источник легитимности. Значительное место отведено новым детерминантам элитообразования и механизмам рекрутирования управленческих кадров, а также практикам цифрового участия на материале региональных и муниципальных платформ.

Завершается глава сценарным анализом перспектив развития российской модели и системой практических предложений, включающей дифференцированное регулирование платформенной экономики, законодательное закрепление цифровых прав, создание института алгоритмической подотчетности с правом на разъяснение и обжалование автоматизированного решения, а также кадровую политику в сфере публичного управления.

Отметим те результаты диссертационного исследования, которые представляются нам обладающими самостоятельной ценностью:

1. Соискателю удалось решить задачу, которая для исследований такого профиля обычно оказывается камнем преткновения: описать властный порядок, не персонифицируя его. В работе последовательно проводится анализ на уровне функций и позиций, а не организаций и лиц, благодаря чему выводы сохраняют силу независимо от того, какая конкретная корпорация занимает инфраструктурную позицию в данный момент. Для темы, где соблазн перейти на язык названий и персоналий особенно велик, это признак научной непредвзятости.

2. Заслуживает внимания то, как в работе решен вопрос о соотношении структурного и институционального. Введение различия темпов изменения этих уровней в качестве аналитической переменной позволяет соискателю объяснять институциональную инерцию, а не просто ее констатировать, и – что важнее – обосновывать вариативность сценариев: одни и те же структурные тенденции при разной институциональной пластичности дают различные исходы. Это конструктивное решение, повышающее объяснительную способность авторской модели.

3. Признаем удачным подход к анализу цифрового участия. Соискатель не ограничивается фиксацией роста числа участников платформенных сервисов, а ставит вопрос об институциональном статусе выражаемого мнения – является ли оно консультативным или обязывающим, и какие процедуры связывают его с решением. Это перевод разговора о цифровом участии из количественного регистра в институциональный, и он методологически более продуктивен.

4. Ценным представляется то, что типология идеологических проектов технологического развития выстроена по единым основаниям: для каждого проекта фиксируются его принципы, основное содержание и отношение к новому субъекту власти. При этом соискатель не ограничивается описанием позиций, как это обычно свойственно типологиям такого рода, а

выявляет имманентные каждой идеологии несогласованности, что превращает классификацию из описательной схемы в аналитический инструмент.

5. Практические предложения соискателя сформулированы в институциональной форме и адресованы конкретным уровням принятия решений. Они представляют собой возможный политико-управленческий ответ на те вызовы, которые сегодня возникают перед Российской Федерацией в условиях масштабной цифровой трансформации и геополитической турбулентности.

Положительно оценивая работу в целом, считаем уместным высказать два замечания дискуссионного характера, относящихся к области нашей профессиональной компетенции.

Первое. В работе Д.А. Айрапетяна заметное место отводится акселерационизму – как в явном виде, так и имплицитно, когда эта тема возникает в разных параграфах в качестве сквозного мотива, проявляясь как в «левой», так и в «правой» интерпретации. При прочтении диссертации создавалось впечатление, что соискатель рассматривает акселерационизм как один из значимых подходов к осмыслению кризиса современного капитализма, его внутренних противоречий и выстраивания траектории движения к посткапитализму.

Вместе с тем, следует признать, что акселерационизм является направлением политической теории, которое остается дискуссионным, даже спекулятивным, и не имеет однозначной оценки в академической среде; его предлагаемые сценарии «разгона» капиталистических противоречий до предела носят во многом гипотетический характер и вызывают разные оценки исследователей. Это естественным образом ставит вопрос о том, в каком качестве и с какой мерой критической рефлексии данный подход используется в диссертационном исследовании. В связи с этим просим получить от соискателя в ходе заседания диссертационного совета пояснения по следующим пунктам: 1) Почему автор обратился именно к акселерационизму и как он сам оценивает границы его применимости в своем исследовании?

2) Какова его собственная теоретическая позиция по отношению к акселерационизму, учитывая дискуссионность этого направления?

Второе замечание относится к первому положению, выносимому на защиту и декларируемому в диссертации. Соискатель перечисляет лимитирующие факторы политического перераспределения и среди них называет практики «управляемого отставания». Понятие интересное и, судя по тексту, авторское, однако в положении оно приведено в одном ряду с факторами иной природы – с контролем корпораций над данными, с конкуренцией за технологические активы, с поляризацией интересов. Все прочие названные факторы описывают объективно складывающиеся обстоятельства, тогда как «управляемое отставание» предполагает намеренность: кто-то удерживает темп, и делает это сознательно. Возникает вопрос о субъекте такого удержания. Если им выступает государство, сдерживающее внедрение технологий до появления регуляторной готовности, то отставание оказывается не ограничением перераспределения, а его инструментом. Если же мы допускаем, что субъектом являются сами технологические корпорации, дозирующие раскрытие возможностей, то мы имеем дело с фактором иного порядка, чем перечисленные рядом с ним, и это следует обозначить.

Следовательно, хотелось бы услышать пояснение соискателя о том, кто является субъектом «управляемого отставания»?

Все замечания не затрагивают существа полученных соискателем результатов, носят характер приглашения к обсуждению в рамках научной дискуссии и обозначают направления, в которых предложенная концепция может быть уточнена и продолжена.

Резюмируя вышеизложенное, считаем целесообразным допустить диссертационное исследование Д.А. Айрапетяна к защите на заседании диссертационного совета.

Вывод: Диссертация Айрапетяна Давида Армиковича «Трансформация политических процессов в посткапитализме: структурные и

институциональные изменения» является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение задачи, имеющей важное значение для развития политической науки и практики, что соответствует требованиям Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года № 842 и Порядка присуждения ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук в Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, утвержденного приказом ректора ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (в редакции приказа от 30 апреля 2025 года № 02-763, приказ об изм. № 02-1313 от 10.07.2025 г.; приказ об изм. 02-1794 от 17.09.2025 г.; приказ об изм. №02-01364/001 от 01.07.2026 г.), а Айрапетян Давид Армирович заслуживает присуждения ему ученой степени кандидата политических наук по специальности 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии.

Член диссертационного совета РАНХиГС,
доктор социологических наук, профессор,
заведующий кафедрой общественных связей
и медиаполитики факультета журналистики
ФГБОУ ВО «Российская академия
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»

Ф.И. Шарков

«8» октября 2026г.

119571, г. Москва, просп. Вернадского, д. 82, стр. 1
тел. +7 (999) 558-28-44, sharkov-fi@yandex.ru

